

- ры им. А. М. Горького АН СССР; Ред.: В. Г. Базанов, Д. Д. Благой, В. Р. Щербина (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1977. 728 с.
- Михайлова М. В. «Милый барбарис»: Письма И. А. Бунина и А. И. Куприна в дневниках Б. А. Лазаревского / публ., подгот. текста, предисл. // Новый мир. 2006. № 5. С. 123–140.
- Фидлер Ф. Ф. Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. М., 1911. 268 с.
- Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 11. Письма, июль – декабрь 1903. М.: Наука, 1982.
- Шумихин С. Русская Прага, русская Ницца, русский Париж: Из дневника Бориса Лазаревского: (Тридцать три письма Михаила Арцыбашева, Ивана Бунина, Александра Куприна, Ильи Сургучева) / предисл., публ. и коммент. // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2001. Вып. 1. С. 645–714.

УДК 82.0  
ББК 83:3

## ПОЭТИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ РАННЕЙ ПРОЗЫ И. Д. СУРГУЧЕВА \*

*Ю. П. Маслова, А. А. Фокин*

Творческое наследие Ильи Дмитриевича Сургучева (1881–1956) — одного из ярчайших представителей неореализма в русской литературе начала XX в. особенно активно осмысливается и анализируется с конца 1980-х гг. Вначале это были очерки о жизни и творчестве писателя, где вскользь затрагивались наиболее известные его пьесы, повесть, рассказы. В 2000-х гг. появились серьезные биографические исследования [Ильинская 2005; Фокин 2006], давшие толчок целой серии масштабных статей и публикаций [Сургучевские чтения 2006–2011], авторами которых стали ученые ведущих научных центров России и ближнего зарубежья. Отдельные исследования посвящены драматургии И. Д. Сургучева [Фокин 2008; Сергеева 2010 и др.], изобразительным средствам языка его произведений [Липатов 2011].

Обобщая изученное, заметим, что постепенно интерес ученых смещается в область поэтики самобытного автора и прежде всего его ранней прозы, а это совокупность рассказов и повестей, написанных в период с 1898 по 1920-й гг., что обусловлено целым рядом факторов.

Во-первых, художественные открытия И. Д. Сургучева имели большое значение

в становлении и развитии русского неореализма, проблематика и поэтика которого нуждается сегодня в системном, многоаспектном изучении, учитывающем как устоявшиеся, так и дискуссионные точки зрения на взаимодействие в русской литературе реалистических традиций и модернистских тенденций.

Во-вторых, характерной особенностью русской литературы конца XIX – начала XX в. — эпохи художественного эксперимента, поиска «корней», истоков мировоззрения, эстетики творчества — является интертекстуальность. В этот же период создается ряд литературоведческих концепций, во многом предвосхитивших теорию «чужого слова» М. М. Бахтина, транспонированную затем в теорию интертекстуальности. Возникает необходимость более глубокого обоснования роли интертекстуальности в литературно-эстетической системе конкретных писателей данного периода, среди которых многообразие стиливых поисков, своими подходами к интертекстуальности выделяется И. Д. Сургучев.

В-третьих, интертекстуальность представляется важнейшей доминантой, объединяющей составные части поэтики И. Д. Сургучева, необходимость изучения которой

\* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Государственный контракт № 16.740.11.0116 от 02.09.2010 г.

продиктована как пробелами в интертекстуальных исследованиях произведений русского неореализма, так и задачами адекватного прочтения ранней прозы писателя, в том числе жанровой структуры его произведений, что позволит в итоге выйти на новые рубежи постижения его творчества и обобщений о литературе начала XX в.

В-четвертых, перспективным видится исследование интертекстуальных слоев всех произведений И. Д. Сургучева и доэмигрантского и эмигрантского периодов, в том числе с точки зрения следования традициям русской и мировой литературы, т. к. это позволит в полной мере осознать масштаб его творчества, по достоинству оценить вклад развитие литературы.

Наконец, в-пятых, учение об интертекстуальности рассматривается сегодня как возможный и наиболее продуктивный раздел поэтики [Пьеге-Гро 2008]. Совокупность интертекстуальных элементов (точечных цитат, крылатых выражений, аллюзий, реминисценций) отдельного произведения, творчества писателя в целом отражают единый интертекст литературной эпохи, который обеспечивает динамику литературного процесса, стратегию изучения социокультурных и литературно-эстетических аспектов художественного творчества.

На сегодняшний день эмпирическую базу поэтики интертекстуальности И. Д. Сургучева составляют более 700 фрагментов текстов его произведений, смысловыми центрами которых являются около 650 интертекстов, в качестве наиболее частотных источников рассматриваются, прежде всего, священные книги православия, буддизма и ислама, произведения русской классической и мировой литературы: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького, М. Метерлинка, Г. Ибсена и др. В рассказах и повестях писателя широко представлены точечные цитаты, крылатые выражения и фразы, восходящие к библейским текстам, русскому фольклору, высказываниям знаменитых философов, ученых, писателей; исторические и автобиографические реминисценции. Отбор интертекстов производился методом сплошной выборки и выверялся в соответствии со следующими источниками: 1) словарями крылатых единиц русского языка, крылатых выражений классиков русской литературы; 2) библейской симфонией; 3) литературоведческими

и лингвистическими наблюдениями над произведениями И. Д. Сургучева отечественных ученых; 4) автобиографическими и биографическими источниками; 5) собственными читательскими ассоциациями.

Анализ материала позволяет отметить, что интертекстуальный слой прозы И. Д. Сургучева 1898–1920 гг. неоднороден по составу и структуре. Выделим наиболее крупные типологические группы интертекстов: библейский текст (более 40%), городской («ставропольский») текст (более 70%), драматургический текст (около 60%), музыкальный текст (30%) автоинтертекстуальные (14%), интермедийные (более 20%).

Интертексты в ранней прозе И. Д. Сургучева выполняют текстообразующую, жанрообразующую и стилиобразующую функции. Они употребляются в сильных позициях текста: заглавиях, эпиграфах и других паратекстуальных образованиях; участвуют в формировании дополнительных смыслов произведения. Интертекстуальность проявляется на разных языковых уровнях и представлена всем спектром межтекстовых связей (ирония, языковая игра и др.).

Обширен интертекст рассказов писателя. Помимо интертекстуальных связей с произведениями классиков литературы, структурно-смысловое значение в ряде рассказов имеют музыкальные цитаты. Особо стоит отметить его любовь к романсам на стихи М. М. Хераскова, А. Н. Апухтина, Н. А. Некрасова, Н. М. Минского и других, на музыку русских композиторов. В рассказах упоминаются и цитируются произведения оперного, балетного, драматического искусства. В его текстах «звучат» оперы Н. А. Римского-Корсакова, П. И. Чайковского, М. И. Глинки, Д. Верди, Р. Леонкавалло, Р. Вагнера, Ш. Гуно, Л. Делиба, Д. Мейербера, А. Дворжака. Использует писатель не только «элитный» музыкальный репертуар, но также массовый — русские народные песни, частушки, припевки, элементы городского музыкального фольклора. Совокупность интертекстуальных элементов рассказов 1900-х и 1910-х гг. создает единую художественно-эстетическую систему образных средств его прозы.

Художественный мир И. Д. Сургучева, глубинные пласты его творчества, скрытые авторские интенции открываются за счет функционирования в них библейского тек-

ста, что является манифестацией творческой индивидуальности писателя, его мировоззренческих и творческих идеалов и ценностей, воплощением их в художественной практике. Подчеркнем трепетное отношение писателя к любому рода претекстам, что отражает особенности его взаимодействия с традицией, и позволяет вполне однозначно охарактеризовать его творческую индивидуальность.

Особое место в прозе И. Д. Сургучева занимает город-текст и городской интертекст. Они реализуются и как текстовые (и шире — знаковые) взаимодействия, когда в основе создания художественного произведения лежит исходный текст не только вербального, но и визуального характера, и как интермедийность (литература — музыка, литература — театр, литература — опера, литература — живопись, литература — архитектура). Ставрополь как город-текст, являясь доминантным интертекстом, обретает неповторимый облик и мифологический статус в пространстве произведений И. Д. Сургучева. В основу мифа кладется идея города как сакрального центра мира. Каждый рассказ, каждая повесть, каждая пьеса предстает герметичной моделью текстовой полифонии, интеллектуально насыщенной игрой разных текстов, нанизываемых на многократно варьируемые комбинации одних и тех же элементов городского интерьера, архитектурного текста, автобиографического интертекста и автоинтертекстуальности.

В качестве интертекста И. Д. Сургучев использует в своих произведениях различные жанровые модели, устоявшиеся в творчестве конкретных писателей, отдельные их структурно-композиционные находки, теоретические идеи современного ему литературоведения. Рассматривая интертекстуальное взаимодействие текстов как процесс, направленный на формирование жанра, подчеркнем, что жанровая принадлежность художественного произведения также определяет виды и формы интертекстуальных связей. Так, игровой «бытовизм», лицемерное, притворное поведение человека, характерные для новелл А. П. Чехова, на уровне интертекста, в том числе и жанрового, присутствуют сургучевским новеллам. Развивает в своем творчестве И. Д. Сургучев и «чеховский жанр» пасхального рассказа.

Анализ жанровой природы произведений И. Д. Сургучева, их сопоставление с

произведениями писателей-современников позволяют особо выделить его повести «Губернатор» и «Мельница» и представить их как уникальное с точки зрения типологии жанров явление для русской литературы начала XX века — «пасхальную повесть».

В дневниках и публицистике И. Д. Сургучев неоднократно обращал внимание на то, что «народы Запада отлично празднуют Рождество и почти не замечают Пасхи». И задаваясь вопросом «Почему?», тут же на него отвечал: «Они материалистичны: в рождение верят, а в воскресение не особенно» [Сургучев 1958]. Высокий религиозно-нравственный смысл его «пасхальных повестей» полностью согласуется с идеями «пасхальности» и «соборности» как важными жанро- и сюжетообразующими факторами (тип основной сюжетной ситуации, обращенность к житийной традиции, притчевая основа), а также благодаря включению в их текст библейского интертекста. Повести «Губернатор» и «Мельница» — свидетельство актуализации в русской неореалистической прозе пасхального архетипа, «православного кода» [Есаулов 2004], который эксплицируется при конкретном интертекстуальном анализе и позволяет по-новому осмыслить многие вершинные произведения русских писателей XX в.

Ранняя проза И. Д. Сургучева позволяет разработать и опробовать инструментарий, который, при условии его дальнейшего совершенствования, может служить моделью интертекстуального анализа повествовательных структур неореалистов начала XX в. и быть использован при применении теории интертекстуальности к проблеме жанрообразования. Выявленные цитаты, реминисценции, другие наблюдения за самобытной художественной речью прозаика могут быть использованы при составлении научных комментариев к изданию полного собрания сочинений И. Д. Сургучева, позволят полнее представить его художественный мир.

### Литература

- Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Круг, 2004. 560 с.  
Ильинская Т. Н. «Скрипок осенних протяжное пенье...». М.: Полиграф-сервис, 2005. 68 с.  
Липатов А. Т. Вздурораженная магия слова и чувств: Textoобразующие и изобразитель-

- но-выразительные средства художественной прозы Ильи Сургучева: Монография. Йошкар-Ола; Ставрополь: Графа, 2011. 180 с.
- Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. Г. К. Косикова, В. Ю. Лукасик, Б. П. Нарумова. М.: ЛКИ, 2008. 238 с.
- Сергеева И. С.* Драматургия И. Д. Сургучева: проблематика и поэтика: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Харьков, 2010. 19 с.
- Сургучев И. Д.* в своих записных книжках // Возрождение, Париж. 1958. № 84. С. 87–95.
- III Сургучевские чтения:* Творчество И. Д. Сургучева в контексте русской литературы XX века: Сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. и сост. А. А. Фокин. Ставрополь: Ставропол. кн. изд-во, 2006. 395 с.
- IV Сургучевские чтения:* Локальная литература и мировой литературный процесс: Сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. и сост. А. А. Фокин. Ставрополь: Ставропол. кн. изд-во, 2007. 400 с.
- VIII Сургучевские чтения:* Векторы духовности в русской литературе и журналистике XIX–XXI веков: Сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. д-ра фил. наук, проф. А. А. Фокина. Ставрополь: Графа, 2011. 252 с.
- Фокин А. А. И. Д. Сургучев — драматург:* Монография. Ставрополь: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2008. 216 с.
- Фокин А. А. Илья Дмитриевич Сургучев:* проблемы творчества: Монография. Ставрополь: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2006. 368 с.

---

УДК 82.09:821.161.1-32  
ББК Ш5(2=Р)7-4

### МИР ЗАПАХА В РАССКАЗАХ ИСААКА БАБЕЛЯ\*

*Р. М. Ханинова*

Для русской литературы характерен визуальный аспект отображения мира. Один из мастеров художественного слова XX в. И. Э. Бабель по праву занимает особое место в ряду тех писателей (И. А. Бунин, М. А. Булгаков, М. А. Шолохов, С. А. Есенин и др.), для которых внимание к запахам и ароматам действительности стало неотъемлемой частью поэтики их произведений в синестезии текстов. Тема запаха в творчестве Бабеля не была предметом специального изучения в литературоведении (отдельные замечания и наблюдения есть в работах А. К. Воронского, В. П. Полонского, Ф. М. Левина, Г. А. Белой, А. К. Жолковского, М. Б. Ямпольского, Н. М. Лейдермана, Ж. Хетени и др.), за исключением нашей статьи [Ханинова 2007].

Поясним некоторые рабочие термины. Одоронимы — это предметные и признаковые имена, в содержание которых входит категориально-лексическая сема «запах»

[Павлова 2006: 7], одоративный (синоним слова запаховой, то есть обозначающий запах; все единицы одоративной лексики принадлежат лексико-семантическому полю «запах-свойство»), одорический (является самым широким наименованием всего, что относится к лексико-семантическому полю «запах», и связан с обозначением как признака, так и восприятия запаха), ольфакторный (используется при описании единиц, с которыми связана характеристика способности человека воспринимать и распознавать запах) синоним слову «обонятельный») [Одинцова 2008: 8].

Антропологическая поэтика в прозе Бабеля — это мир, показанный через восприятие человека. У писателя нет произведений, в которых мир природы был бы автономен в своей репрезентации, а его представители манифестированы как главные персонажи посредством наделения их автором антропоморфными признаками, в том числе го-

---

\* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг. Государственный контракт № 16.740.11.0116 от 02.09.2010 г.